

А. А. Бессуднов

Институт истории материальной культуры РАН

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КОНЦА ПЛЕЙСТОЦЕНА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ДОНА *

Проблематика поздней поры верхнего палеолита является наименее разработанной для территории бассейна Верхнего и Среднего Дона. В первую очередь это обусловлено состоянием источниковедческой базы в данном регионе, где, в отличие от территории Поднепровья, Подесенья и Северного Причерноморья, известны лишь единичные памятники этого времени. Однако обилие разновременных и разнокультурных стоянок ранней и средней поры верхнего палеолита в Костенках неизменно ставило перед исследователями вопрос о наличии памятников поздневалдайского времени в Костенках и за их пределами.

В последнее двадцатилетие на Дону были открыты и исследованы новые памятники, относящиеся к поздней поре верхнего палеолита, материалы большей части которых пока опубликованы лишь предварительно. Их культурная атрибуция и хронология во многом остаются проблематичными, лишь незначительная часть памятников имеет данные естественнонаучных методов, а основой культурных и хронологических построений является облик каменного инвентаря. Тем не менее, результаты исследований последних лет и критический анализ существующих источников позволяют вновь обратиться к этой тематике.

Общие представления о памятниках конца плейстоцена на Русской равнине

По существующим представлениям, время поздней поры верхнего палеолита на Русской равнине занимает хронологический промежуток от ~20 до ~13/12 тыс. л. н.¹, то есть соответствует периоду между максимумом оледенения и началом интерстадиала бёллинг². Период позднеледниковья сопровождается глобальными климатическими изменениями. По сравнению со средней порой верхнего палеолита происходит увеличение количества памятников (только около 80 стоянок с радиоуглеродными датами; рис. 1), при этом их основная концентрация прослеживается в бассейнах Десны и Днепра. В содержательном плане к поздней поре верхнего палеолита относятся памятники с типичным верхнепалеолитическим набором каменного инвентаря, развитой костяной индустрией и традициями домостроительства, которые в совокупности резко отличаются от финальнопалеолитических индустрий.

В каменном инвентаре памятников поздней поры верхнего палеолита большинство авторов отмечают присутствие ретушных резцов, скребков простых форм, наличие косоусеченных

* Работа выполнена в рамках научных проектов РГНФ № 13-11-48602, № 13-21-01006а(м) и по теме «Прерывистость и преемственность культурного развития палеолита Костенковской группы» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

¹ Все даты в данной работе некалиброванные.

² В различных работах граница между поздним и финальным палеолитом варьирует от 14 до 12 тыс. л. н. (см. напр. Сеницын и др., 1997; Васильев и др., 2005; Жилин, Кольцов, 2008; Сорокин и др., 2009; Залізняк, 2010 и др.), что объясняется как локальными особенностями развития культуры на конкретных территориях, так и слабой обеспеченностью естественнонаучными данными «пограничных» памятников.

острий и орудий с притупленным краем при общем обеднении типологического набора по сравнению с граветийскими стоянками средней поры верхнего палеолита (Абрамова, Григорьева, 1997; Аникович, 1998; Лисицын, 1999; Гаврилов, 1994 и др.). При обобщении массива памятников этого периода на Русской равнине, отвечающих вышеназванным характеристикам каменного инвентаря, в литературе чаще всего используется термин «эпиграветт» или «восточный эпиграветт» (Kozłowski, 1986; Аникович, 1992, 1998 и др.; Zaliznyak, 1999; Cohen, 1999; Нужный, 2002; Чубур, 2001; Оленковский, 2008; Степанчук, 2008 и др.). При этом изначально термин «эпиграветт» употреблялся для обозначения каменных индустрий европейского Средиземноморья, следующих за граветтом и генетически с ним связанных. Памятники «классического» эпиграветта представлены на Апенинском полуострове и северном побережье Средиземного моря и в каменном инвентаре имеют мало общего с памятниками «восточного эпиграветта». Чаще всего в отечественной литературе под «эпиграветтом» подразумевается совокупность культур, существовавших в период позднеледниковья, то есть фактически этот термин обладает лишь хронологическим смыслом. Следует отметить, что генетическая связь между эпиграветтом и граветтом в Восточной Европе оценивается по-разному, вплоть до полного ее отрицания (Лисицын, 1999). Интересна точка зрения отдельных исследователей, относящих некоторые памятники поздней поры к мадлену (Абрамова, Григорьева, 1997; 2005).

Помимо эпиграветта, который представляет собой масштабное явление, выделяется ряд локальных культурных образований (замятнинская культура в Костенках, каменнобалковская культура на Нижнем Дону, культура типа верхнего слоя Быки 7 в Посеймье и др.). Не исключено, что таким же локальным образованием является т. н. «эпиориньяк», стоянки которого располагаются в южных степях Причерноморья и характеризуются специфическим составом каменного инвентаря с высокими скребками-нуклеусами и микролитами с изогнутым профилем (Праслов, 1972; Сапожников, 2004; Кетрару и др., 2007 и др.). Возможно, что часть локальных культурных единиц, выделяемых различными авторами, могут относиться к таксонам более высокого ранга (технокомплексам): например, судя по облику каменного инвентаря стоянок каменнобалковской культуры (Гвоздовер, 1964), эта культура имеет много общего с эпиграветтом. Выраженные «ориньякоидные» черты отмечались при описании некоторых стоянок замятнинской культуры (Праслов, Иванова, 1982).

Хронологические рамки финального палеолита определяются временем 13/12–10/9,5 тыс. л. н., что соответствует дриасовому периоду конца плейстоцена (Васильев и др., 2005; Жилин, Кольцов, 2008; Лисицын, 2000; Зализняк, 1999; и др.). Нижняя граница соответствует времени исчезновения памятников верхнепалеолитического облика, верхняя граница определяется появлением мезолитических культур на рубеже плейстоцена и голоцена.

На современном этапе исследований на Русской равнине прослеживается три области распространения финальнопалеолитических стоянок, которые соответствуют различным культурным традициям (Лисицын, 2005). Наиболее изученными и широкими по распространению являются культуры с черешковыми наконечниками, занимающие лесную зону территории всей континентальной Европы. В северной части Русской равнины к ним относятся многочисленные стоянки традиций бромме и свидер, происхождение которых связано с южно-балтийскими памятниками (Синицына, 2005). Другая область концентрации памятников рубежа голоцена-плейстоцена расположена в низовьях Камы. Для этих памятников характерна специфическая индустрия, выраженная в сочетании пластинчатой и отщеповой техник первичного расщепления; среди изделий со вторичной обработкой присутствуют как типично верхнепалеолитические формы, так и своеобразные рубящие орудия и крупные микролиты-трапеции, при отсутствии микропластинчатого инвентаря (Галимова, 2001).

К финальному палеолиту на юге Русской равнины относится ряд стоянок, объединенных исследователями в единую культурную общность — стоянки Рогаликско-Передельского района, Царинка, Осокоровка (сл. Зв), Леонтьевка и др. (Горелик, 2001; Оленковский, 2008 и др.). Отличительными чертами «южной» группы финальнопалеолитических стоянок является преимущественно пластинчатая техника расщепления и наличие разнообразных микролитических изделий, среди которых выделяются специфические низкие трапеции-прямоугольники (Горелик, 2001).

Для юга Русской равнины особенно остро стоит проблема разделения верхне- и финальнопалеолитических памятников. Такая проблема отсутствует в лесной зоне северо-востока Русской равнины, где между местными «эпиграветскими» памятниками и пришлыми культурами с черешковыми наконечниками существует хронологическая лакуна и не фиксируется никакой генетической связи (Лисицын, 2005). На юге, наоборот, прослеживается непрерывное развитие культур в период 16–10 тыс. л. н., в каменном инвентаре которых присутствуют типичные верхнепалеолитические формы с тенденцией к микролитизации к началу голоцена.

Проблема существования памятников поздней поры верхнего палеолита в Костенках

Основу хронологических и культурных построений на Дону и в Восточной Европе в целом составляют многослойные памятники Костенковско-Борщевского района (Рогачев, 1957; 1961; Сеницын, 2006б; 2010 и др.). При этом последовательность отложений, которая является основой для построения различных моделей и схем развития палеолитических культур в Костенках, в полном виде за пределами Костенок не представлена. Следовательно, территориальная граница приложения моделей Костенок до сих пор остается неизвестной.

Классическая костенковская схема была сформирована в 50–60-е гг. А. Н. Рогачевым совместно с геологами Г. И. Лазуковым и А. А. Величко (Рогачев, 1957, 1961; Лазуков, 1957; Величко, Рогачев, 1969). Ее основу составляют две гумусовые толщи, разделенные прослойкой вулканического пепла. Соответственно трехчленной литологической схеме, все костенковские стоянки первоначально подразделялись на четыре, а затем на три хронологические группы. Исследуя различные стоянки с одинаковым стратиграфическим положением, А. Н. Рогачев пришел к выводу о многообразии археологических культур, существовавших в единое геологическое время. В то же время, основываясь на тезисе об отсутствии в Костенках геологических отложений максимума последнего оледенения (Лазуков, 1982), А. Н. Рогачев не признавал существование в Костенках памятников моложе 20–18 тыс. л. н., а молодые радиоуглеродные даты из стоянок признавались сомнительными (Рогачев, Аникович, 1984). По мнению Г. И. Лазукова (1979; 1982), первая надпойменная терраса Дона, с которой обычно связываются памятники позднего времени, датируется доосташковским временем, следовательно, приуроченные к ней стоянки не могут иметь поздневалдайский возраст. Принципиально отличной точки зрения придерживался М. Н. Грищенко (1974; 1976), считавший, что первая надпойменная терраса в долине Дона имеет два уровня — высокий или «костенковский» и низкий или «гремяченский», время образования которых относится исследователем к позднеледниковью. К высокому уровню приурочены стоянки Костенки 3, 4, 19, 21 и два нижних слоя Борщево 2; к низкому, наиболее молодому, — I слой Борщево 2.

В настоящее время относительно существования в Костенковско-Борщевском районе памятников поздней поры верхнего палеолита существует две точки зрения. А. А. Сеницын, вслед за А. Н. Рогачевым, считает, что верхняя граница существования палеолитических поселений в Костенках определяется временем 21–20 тыс. л. н. (Сеницын и др., 1997; 2002; Сеницын, 2008; 2010; и др.). Сторонниками отсутствия в Костенках отложений позднеледникового времени приводятся аргументы в пользу того, что здесь не представлены характерные для максимума оледенения криогенные деформации, тогда как на Гагаринской стоянке имеется мощный мерзлотный клин этого времени (Тарасов, 1979). В то же время, по мнению А. А. Величко, следы мерзлотных процессов на широте Костенок и южнее могут не проявляться (Величко и др., 1978). В пользу существования отложений поздневалдайского времени также могут свидетельствовать несколько уровней побурения выше гмелинской почвы, возможно, отвечающие фазам эфемерного почвообразования (Сеницын и др., 2004; Величко и др., 2009). Однако достоверных данных о соотношении горизонтов почвообразования с периодами потеплений беллинг и аллеред до недавнего времени не было не только в Костенках, но и на территории Подонья в целом. Вопрос о наличии отложений поздневалдайского времени в Костенках остается во многом дискуссионным, однако дополнительными аргументами в пользу их присутствия могут служить облик каменного инвентаря из ряда стоянок и серии молодых радиоуглеродных дат (Сеницын и др., 1997).

Основываясь на комплексе археологических, геологических и радиоуглеродных данных, М. В. Аникович (2005; 2009; Аникович и др., 2008) относил к поздней поре верхнего палеолита ряд стоянок. Им предложена детальная схема членения поздней хронологической группы в Костенках (25–15(14) тыс. л. н.) на три этапа, в основе которой лежат данные радиоуглеродного датирования и положение культурных слоев стоянок относительно гмелинской почвы. К наиболее позднему этапу (ШС), возраст которого определяется в пределах 20–15(14) тыс. л. н., М. В. Аниковичем относятся стоянки Костенки 11 (а, б), 2, 3, 19, 21 (I) и Борщево 1, культурные слои которых залегают выше гмелинской почвы. В данную группу также включаются Костенки 10, залегающие непосредственно под черноземом, но имеющие две древние радиоуглеродные датировки порядка 28 и 22 тыс. л. н. При этом большая часть стоянок определяется временем максимального похолодания около 18 тыс. л. н., а верхняя граница этапа совпадает со временем существования стоянки Борщево 1, имеющей компактную серию дат около 15 тыс. л. н. (Аникович, 2005; Аникович и др., 2008).

Наиболее остро стоит проблема определения возраста стоянки Борщево 2, расположенной на первой надпойменной террасе Дона. П. П. Ефименко и П. И. Борисковский, опираясь в основном на облик каменного инвентаря, рассматривали верхний культурный слой стоянки в качестве наиболее позднего, стоящего на рубеже следующей эпохи — неолита (Ефименко, Борисковский, 1953). При этом два нижних горизонта «еще тесно примыкают к собственно позднепалеолитическим памятникам» (Там же. С. 109). Изучение геоморфологической ситуации на стоянке показало, что верхний культурный слой сопоставляется с положением третьего культурного слоя Костенок 21, залегающего в гмелинской почве (Лазуков, 1982). Естественно-научные данные, полученные в результате исследования стоянки Ю. Ю. Цыгановым (1995), показали невозможность отнесения Борщево 2 к памятникам голоценового возраста, но и не дали оснований значительно удревнять ее возраст. Серия радиоуглеродных дат и результаты спорово-пыльцевого анализа позволили исследователю датировать памятник началом беллинга.

Отдельную проблему составляет многослойность стоянки — в некоторых случаях три уровня залегания находок рассматриваются в качестве одного сильно переотложенного слоя (Борисковский, Дмитриева, 1982). Несмотря на близкое типологическое сходство каменного инвентаря всех трех слоев (Цыганов, 1995), между ними имеются различия в сырьевом соотношении и фаунистическом наборе, что позволяет констатировать наличие на стоянке трех самостоятельных горизонтов находок. В настоящее время, основываясь на комплексе данных и, в первую очередь, учитывая технико-морфологические характеристики каменного инвентаря, большинство исследователей относит Борщево 2 к позднеледниковым памятникам (Амирханов, 1998, 2000; Аникович и др., 2008; Гаврилов, 2009; Оленковский, 2008 и др.).

Таким образом, имеющиеся данные скорее свидетельствуют в пользу присутствия памятников поздневалдайского времени в Костенках. В первую очередь, на это указывают серии радиоуглеродных дат и технико-морфологический облик каменного инвентаря из ряда стоянок. Относительно возраста низких террас и позиции в них культурных слоев не существует единого мнения, однако большая часть геологов также допускает возможность существования отложений позднеледниковья в регионе.

Хронология и периодизация памятников конца плейстоцена в бассейне Верхнего и Среднего Дона

В настоящее время в рассматриваемом регионе с разной степенью уверенности к поздней поре верхнего палеолита можно отнести 17 стоянок (рис. 2; Табл. 1).

Таблица 1. Памятники поздней поры верхнего палеолита на Верхнем и Среднем Дону

№	Памятник	Кол-во кам. инвентаря	Тип памятника	Вскрытая площадь	Культурная принадлежность	Источник
1.	Костенки 2	~5300	Долговременное поселение	>250 м ²	Замятнинская АК	(1, 2)
2.	Костенки 3	~2200	Кратковременная стоянка (?)	106,5 м ²	Замятнинская АК	(1, 2)
3.	Костенки 19	~19000	Стоянка-мастерская	~240 м ²	Замятнинская АК	(1, 2, 3)
4.	Костенки 11 (Ia)	16960	Долговременное поселение	>656 м ²	Замятнинская АК (?)	(1, 4)
5.	Костенки 11 (Iб)	747	?	35 м ²	?	(1)
6.	Костенки 21 (I)	~50	?	22 м ²	Замятнинская АК (?)	(1)
7.	Костенки 21 (II)	50	?	~170 м ²	?	(1)
8.	Костенки 10 (?)	>350	?	~116 м ²	Замятнинская АК (?)	(1)
9.	Борщево 1	~5000	Долговременное поселение (?)	392 м ²	«эпиграветт»	(1)
10.	Борщево 2 (I-III)	14499	?	~850 м ²	«эпиграветт»	(1, 12, 13)
11.	Дивногорье 1	>1250	Кратковременная стоянка	53 м ²	«эпиграветт»	(5, 7)
12.	Дивногорье 9	~70	Место забоя	202 м ²	«эпиграветт»	(5, 7)
13.	Самотоевка	>10000	Долговременная стоянка (?)	282 м ²	?	(7, 8, 9)
14.	Назаровка	410	Кратковременная стоянка	238 м ²	«эпиграветт» (?)	(9)
15.	Иволга	76	?	1,5 м ²	?	(10)
16.	Замятино 14	444	Кратковременная стоянка	637 м ²	«эпиграветт»	(6, 7)
17.	Масловка	76	?	~69 м ²	«эпиграветт» (?)	(11)

Источники: 1 — Праслов, Рогачев, 1982; 2 — Борисковский, 1963; 3 — Матюхин, 1996; 4 — Попов и др., 2004; 5 — Бессуднов и др., 2012; 6 — Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2011; 7 — Бессуднов, 2011; 8 — Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2012; 9 — Федюнин, 2010; 10 — Шабалин и др., 2004; 11 — Тарасов, 1983; 12 — Праслов, 1981; 13 — Цыганов, 1995.

Основное количество памятников поздней поры на Дону расположено в Костенковско-Борщевском районе, часть из которых представлена лишь горизонтами находок, а некоторые могут являться различными участками одного поселения (например, Костенки 10 и Костенки 11 (Iб) (по А. Н. Рогачеву); Костенки 11 (Ia) и Костенки 2 (Рогачев, Аникович, 1984); Костенки 3 и Костенки 21(I) (Иванова, 1985). Как следует из таблицы, рассматриваемые памятники значительно разнятся как по размерам исследованной площади, там и по объему и содержательности коллекций. Кроме того, при сравнении следует учитывать, что памятники могут отличаться между собой по различному функциональному назначению и времени обитания, что существенно сказывается на составе, а иногда и облике каменных изделий.

Другую проблему составляет абсолютный возраст стоянок (Табл. 2, рис. 11). Наиболее репрезентативные и относительно надежные серии радиоуглеродных дат имеются лишь для памятников в Дивногорье и для Борщево 1. Датировки Борщево 2 и Самотоевки дают более чем двухтысячелетний разброс, указывая лишь наиболее вероятный интервал времени их функционирования. Разброс дат для стоянок замятнинской культуры достигает 10 тыс. лет, при этом для каждой отдельно взятой стоянки нет даже двух относительно синхронных дат (Табл. 2). Стоит согласиться с мнением З. А. Абрамовой и А. А. Синицына (2002), что такая ситуация с радиоуглеродными

датами для замаятинской культуры дает одинаковые основания как для отнесения ее к предыдущему хронологическому этапу, так и для выделения в отдельный этап.

Все отмеченные выше обстоятельства позволяют делать какие-либо теоретические построения лишь с известной долей условности.

Таблица 2. Радиоуглеродные даты стоянок поздней поры верхнего палеолита на Верхнем и Среднем Дону

№	Индекс	Стоянка, контекст	Дата	Источник
Костенки 2 (ст. Замаятина)				
1.	ГИН-93	Кость	11000±200	(1)
2.	ЛЕ-1599	Кость	16140±150	(1)
3.	ГИН-8570	Кость мамонта	17300±160	(1)
4.	ГИН-7992	Тазовая кость мамонта	23800±150	(1)
5.	ГИН-7993	Кость мамонта	37900±900	(1)
Костенки 3 (Глинище)				
6.	ГИН-8022	Кость мамонта	19800±210	(1)
Костенки 10 (Аносовка 1)				
7.	ГИН-8573	Кость мамонта и кость бизона	22600±1 000	(1)
8.	ГИН-8027	Кость мамонта	28250±300	(1)
Костенки 11 (Аносовка 2) (Ia)				
9.	ЛЕ-1403	Кость мамонта	10390±100	(1)
10.	ЛЕ-1645	Кость мамонта	14610±150	(1)
11.	ЛЕ-1704	Кость	16610±150	(1)
12.	ГИН-8079	Кости мамонта	18700±80	(1)
13.	ГИН-2532	Костный уголь	19900±350	(1)
Костенки 19 (ст. Валукинского)				
14.	ГИН-107	Кость	11800±500	(1)
15.	ЛЕ-1705	Кость	17420±150	(1)
16.	ГИН-8577	Кость мамонта	18700±600	(1)
Костенки 21 (Гмелинская ст.) (II)				
17.	ЛЕ-1437	Кость (метод Лонжина)	19100±150	(1)
18.	ЛЕ-1437б	Кость (метод Арсланова)	20250±100	(1)
19.	ЛЕ-1437в	Кость (комплексная методика)	22900±150	(1)
Борцево 1				
20.	ГИН-11197	Кость мамонта, раск. 1981 г.	15140±100	(1)
21.	ГИН-11198	Кость лошади, раск. 1981 г.	15200±100	(1)
22.	ГИН-11199	Кость мамонта, раск. 1981 г.	15200±200	(1)
23.	ГИН-8085	Кость мамонта, раск. 1923 г.	15600±70	(1)
24.	ЛЕ-3727	Кость мамонта, раск. 1980 г.	17120±110	(1)
Борцево 2				
25.	ГИН-88	Верхний к/сл., почва	12300±100	(1)
26.	ГИН-3261	Гиттия, нижн. прослой	12550±200	(1)
27.	ГИН-8084	Обож. кости лошади, раск. 1925 г.	10400±200	(1)
28.	ГИН-8415	Обож. кости лошади, раск. 1925 г.	10900±300	(1)
29.	ЛУ-742	Верхний к/сл., д/уголь	13210±270	(1)
30.	Мо-636	Верхний к/сл., гумус	11760±240	(1)
31.	ЛЕ-4865	Верхний к/сл., гор. 1, гумус	9520±300	(1)
32.	ЛЕ-4866	Верхний к/сл., гор. 1, гумус	9330±390	(1)
33.	ЛЕ-4867	Верхний к/сл., гор. 2, гумус	14030±280	(1)
34.	ЛЕ-4837	I к/сл., д/уголь	13480±720	(1)
35.	ЛЕ-4834	III к/сл., д/уголь	13540±300	(1)

36.	GrA-9249	Д/уголь	12720±140	(1)
		Самотоевка		
37.	ЛЕ-8566	Кости крупных млекопит.	13800±350	(2)
38.	ЛЕ-9104	Кости крупных млекопит.	13820±120	неопубл.
39.	ГИН-12852	Кости лошади	14730±100	(2)
40.	ЛЕ-8567	Кости крупных млекопит.	15600±550	(2)
41.	ГИН-12851	Очаг, почва с д/уголем	15900±150	(2)
		Дивногорье I		
42.	ЛЕ-8649	Кости лошади	12050±170	(3,5)
43.	ЛЕ-8648	Кости лошади	13380±220	(3,5)
44.	АА-	Кости лошади	13430±130	(6)
		Дивногорье 9		
45.	ГИН-14547	Верх почвы (бёллинг-?) выше слоев, д/уголь	11880±140	(5)
46.	ИГАН-4247	Верх почвы (бёллинг-?) выше слоев, д/уголь	12060±80	(5)
47.	ГИН-14548	Низ почвы (бёллинг-?) выше слоев, д/уголь	12090±100	(5)
48.	ЛЕ-8137	Сл. I, кости лошади	11400±120	(3,5)
49.	ЛЕ-8135	Сл. I, кости лошади	12980±180	(3,5)
50.	ЛЕ-8136	Сл. I, кости лошади	13150±200	(3,5)
51.	ЛЕ-8134	Сл. II, кости лошади	13100±200	(3,5)
52.	АА-90650	Сл. II, кости лошади	13430±130	(4,5)
53.	ЛЕ-8130	Сл. II, кости лошади	13370±240	(3,5)
54.	ЛЕ-8131	Сл. II, кости лошади	13560±240	(3,5)
55.	ЛЕ-8955	Сл. III, кости лошади	12250±350	(3,5)
56.	ГИН-13192	Сл. III, кости лошади	12350±200	(3,5)
57.	ЛЕ-9250	Сл. III, кости лошади	13820±130	(5)
58.	АА-90652	Сл. III, кости лошади	13870±140	(4,5)
59.	ЛЕ-8956	Сл. IV, кости лошади	13200±300	(3,5)
60.	ГИН-14540	Сл. IV, кости лошади	13650±320	(5)
61.	АА-90653	Сл. IV, кости лошади	13830±150	(4,5)
62.	ГИН-14541	Сл. V, кости лошади	12600±250	(5)
63.	ЛЕ-8957	Сл. V, кости лошади	13100±500	(3,5)
64.	ЛЕ-8932	Сл. V, кости лошади	13270±630	(3,5)
65.	АА-90654	Сл. V, кости лошади	13900±140	(4,5)
66.	ГИН-14543	Сл. VI, кости лошади	12140±300	(5)
67.	ГИН-14544	Сл. VIa, кости лошади	12540±470	(5)
68.	ЛЕ-9620	Сл. VI, кости лошади	13100±600	(5)
69.	ЛЕ-9619	Сл. VI, кости лошади	13800±150	(5)
70.	ЛЕ-8958	Сл. VI, кости лошади	13920±175	(3,5)
71.	ЛЕ-9102	Сл. VI, кости лошади	13940±180	(5)
72.	ЛЕ-9618	Сл. VI, кости лошади	14080±190	(5)
73.	АА-90655	Сл. VI, кости лошади	14430±160	(4,5)

Источники: 1 — Сеницын и др., 1997; 2 — Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., 2012; 3 — Бессуднов и др., 2012; 4 — Лаврушин и др., 2011; 5 — Бессуднов и др., 2013; 6 — Bessudnov, 2013.

Наиболее древними в рамках поздней поры верхнего палеолита являются стоянки замятнинской культуры в Костенках — по имеющимся данным время их существования приходится на максимум поздневалдайского оледенения (Аникович и др., 2008). Эта локальная культура состоит из ряда памятников, коллекции каменного инвентаря которых весьма отличаются между собой. Выделение замятнинской культуры происходило скорее не на основании сходства орудийных форм, а на противопоставлении иным индустриям/культурным традициям (например, различных вариантов граветта). Таким образом, велика вероятность, что при дальнейшем изучении относимых к ней стоянок, замятнинская культура может распасться на ряд самостоятельных индустрий с отдельными схожими типами изделий. Однако в каменном инвентаре

стоянок имеется ряд сходных черт: характерно преобладание мелких пластинчатых заготовок, применение мелкой нерегулярной ретуши, реже — крутой, широкое использование техники резцового скола (рис. 3). Среди изделий со вторичной обработкой выделяются орудия с подтеской концов, многофасеточные резцы и резцы с прямо- или косо-усеченной площадкой, пластинки с притупленным краем (иногда встречной ретушью). Скребки представлены в основном простыми формами. В зямятнинской культуре выделяются как стационарные поселения с долговременными жилищами (Костенки 2, Костенки 11(1а)), так и кратковременные стоянки с легкими наземными сооружениями (Костенки 3, Костенки 19). Основу хозяйства составляла охота на мамонта, наиболее характерной чертой культуры являются округлые жилища аносовско-мезинского типа из костей мамонта с ямами-хранилищами по краям (Рогачев, Аникович, 1984; Аникович и др., 2008).

К этой же группе, возможно, относится стоянка Костенки 10, возраст которой некоторые исследователи считают достаточно поздним (Аникович и др., 2008). Следует отметить, что в фаунистическом наборе данной стоянки кости лошади количественно преобладают над костями мамонта (Верещагин, Кузьмина, 1977).

Ко времени существования около 16–15 тыс. л. н. бесспорно относятся стоянки Борщево 1 и Самотоевка, имеющие относительно компактные серии радиоуглеродных датировок (Табл. 2, рис. 11). Каменный инвентарь Борщево 1 характеризуется преобладанием ретушных резцов, среди которых имеются весьма специфические в форме параллелограмма или трапеции (рис. 4). Помимо простых скребков, в коллекции присутствуют изделия, выполненные на ретушированных пластинах и стандартизованная серия комбинированных орудий скребко-косоретушный резец. Выразительной серией представлены изделия с притупленным краем, среди которых особо выделяются атипичные наконечники с боковой выемкой разнообразных очертаний (рис. 4, б-9). По мнению М.В. Аниковича, в наличии имеются также несколько «типичных ножей шательперрон» (Аникович и др., 2008. С. 230). Костяной инвентарь представлен обломком острия округлого сечения из кости мамонта и просверленным резцом лошади. Положение культурного слоя Борщево 1 связано с суглинком в основании современной почвы. В фаунистической коллекции преобладают кости мамонта, развалы которых иногда интерпретируются как остатки жилища аносовско-мезинского типа (Векилова, 1953; Аникович и др., 2008). Фоновым видом на стоянке является лошадь. Некоторыми исследователями признается объединение Борщево 1 и деснинской стоянкой Мезин в одну археологическую культуру (Праслов, Рогачев, 1982; Рогачев, Аникович, 1984; Аникович и др., 2008).

При сходных радиоуглеродных датировках Самотоевка значительно отличается от Борщево 1 (Бессуднов, 2011). Стоянка представляет собой предположительно долговременное поселение с округлым в плане жилищем с очагом в центре. Расположенные по окружности ямы сближают это жилище с аносовско-мезинскими, однако оно значительно уступает в размерах и сконструировано без использования костей мамонта. Отдельное сходство обнаруживается с жилищами стоянок степной зоны, в частности с Осокоровкой (Колосов, 1964). Среди фаунистических остатков преобладают кости дикой лошади, при этом также присутствуют такие виды животных как лось, бобр, заяц и тур. Каменный инвентарь Самотоевки не находит аналогий в инвентаре Борщево 1. Самотоевская индустрия характеризуется преобладанием средних и длинных (до 9 см) пластинчатых заготовок, широким применением техники резцового скола, использованием мелкой нерегулярной ретуши (рис. 5, 6). В типологическом наборе ведущее место занимают резцы, особо отмечается «многофасеточность» большинства из них; интересны плоские и нуклевидные резцы. Преобладают скребки простых форм, однако присутствует выразительная серия миниатюрных округлых скребков с оформленным рабочим лезвием по всей или части окружности. В коллекции также имеется небольшая серия изделий с притупленным краем, среди которых выделяются геометрические микролиты. Весьма необычным для этого времени является отсутствие ретушных резцов и минимальное использование крутой ретуши. Отдельные аналогии в каменном инвентаре можно проследить с материалами зямятнинской культуры. В первую очередь это относится к нуклеусам для снятия микропластинок и многофасеточным резцам, общим также является распространенный прием вторичной обработки орудий при помощи мелкой нерегулярной, иногда приостряющей ретуши. Другие технологические

приемы и категории орудий значительно отличаются, при этом материалы стоянок, относящихся к замятнинской культуре, также неоднородны и имеют существенные различия. Стоит отметить присутствие в Борщеве 1 и Самотоевке схожих костяных острий, однако аналогичные «простые» формы острий встречаются на многих разновременных стоянках в Костенках — Костенки 4 (I, II), 8 (II), 14 (I, III), 15, 21 (III) (Праслов, Рогачев, 1982; Аникович и др., 2008; Сеницын, 2006а). Это существенно снижает культурную и хронологическую значимость данного вида изделий.

К этому же времени, вероятно, относятся Назаровка и Замятино 14. Материалы Назаровки малочисленны, однако ее расположение в сходных геоморфологических и стратиграфических условиях с Самотоевкой может свидетельствовать об их относительной геологической близости (Федюнин, 2008). В то же время, на данный момент имеется больше оснований отнести Назаровку к индустриям эпиграветтского круга (Федюнин, 2010), отличающихся от каменного инвентаря Самотоевки. Каменный инвентарь Замятино 14 (рис. 7) также непреставителен, но наличие скребков на ретушированных пластинах, ретушных резцов и небольшого количества микропластинок с притупленным краем прослеживает некоторое сходство с инвентарем Борщеве 1 (Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2011). В связи с этим интерес представляет обломок черешка (?) из коллекции Замятино 14 (рис. 7, 8), напоминающий обломки «атипичных» наконечников с боковой выемкой, присутствующих в Борщеве 1.

Наиболее позднюю группу в Подонье составляют Дивногорские стоянки и, предположительно, верхний слой Борщеве 2 (рис. 9). Возраст памятников в Дивногорье составляет порядка 14,5-13 тыс. л.н., а существование Борщеве 2 (I) соотносится с ранним дриасом или с началом интервала беллинг (Цыганов, 1995). Памятники этого времени представлены кратковременными стоянками без следов жилых конструкций. На Дивногорских стоянках представлена специфическая форма хозяйства, выраженная в массовой охоте на дикую лошадь (?). Весьма отличительной является связь стоянок с различной функциональной специализацией: место забоя — место разделки («kill site» — «butchering site»), аналогию которой в Восточной Европе можно обнаружить лишь в Амвросиевке (Борисковский, 1953; Кротова, 1994). Каменный инвентарь Дивногорья 1, 9 и Борщеве 2 имеет много общего. Техника первичного расщепления пластинчатая, в орудийном наборе преобладают скребки, в основном простых форм, и ретушные резцы (Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., 2010). Показательными являются орудия с притупленным краем, косоусеченные острия и тронкированные пластины (рис. 8, 9). Следует отметить наличие в разрезе Дивногорья 9 выше культуросодержащих горизонтов двух уровней почвообразования, соотносимых с беллингом и аллерёдом (Лаврушин и др., 2011; Sycheva, Bessudnov, 2012; Бессуднов и др., 2013). В коллекции каменного инвентаря Дивногорья 1 важной составляющей является некремневый компонент, выраженный различными терочниками и ложилами, что возможно является отражением функциональной специализации стоянки. Для индустрии Борщеве 2 (I) показательны единичные миниатюрные округлые скребки (рис. 10). Материалы двух нижних слоев Борщеве 2 показывают типологическую близость с верхним культурным слоем, однако в фаунистическом наборе доминирует мамонт (Цыганов, 1995). Нерешенным остается вопрос об условиях залегания горизонтов находок на стоянке, поэтому атрибуция второго и третьего культурного слоя на данный момент проблематична.

Также затруднительно определение возраста и таксономической позиции стоянок Масловка и Иволга, каменный инвентарь которых в обоих случаях (!) насчитывает 76 экз. В коллекции Масловской стоянки присутствуют всего два орудия — скребок и пластинка с притупленным краем (Тарасов, 1983). Орудийный набор из Иволги более представительен (12 экз.), количественно преобладают резцы, большая часть которых изготовлена на ретушированной площадке (Шабалин и др., 2004).

Каменный инвентарь рассмотренных памятников не обладает значительным разнообразием — для большинства из них характерно присутствие ретушных резцов, косоусеченных острий, скребков простых форм и изделий с притупленным краем. Такой типологический набор представлен на стоянках Борщеве 1, 2, Дивногорье 1, 2, 9, Замятино 14, Масловка, Иволга и Назаровка (?). Другую линию развития представляют памятники замятнинской археологической культуры в Костенках, специфической чертой которых является присутствие многофасе-

точных резцов и резцов с прямо- или косо-усеченной площадкой, орудий с подтеской концов, незначительного числа пластинок с притупленным краем. Отдельное место занимает Самотоевка, для каменного инвентаря которой характерны многофасеточные и плоские резцы, округлые скребки и небольшое число геометрических микролитов, при отсутствии ретушных резцов и пластинок с притупленным краем. Многофасеточность резцов сближает Самотоевку с памятниками замятнинской культуры, однако остальной набор инвентаря, фаунистическая коллекция и традиции домостроения значительно отличаются.

Заключение

По времени существования памятники поздней поры верхнего палеолита в бассейне Верхнего и Среднего Дона можно разделить на три хронологические группы: I группа (18–17 тыс. л. н.) — стоянки замятнинской культуры, Костенки 21 (I), Костенки 10 (?); II группа (16–15 тыс. л. н.) — Борщево 1, Самотоевка, Назаровка (?), Замятино 14 (?); III группа (14–13 тыс. л. н.) — Борщево 2 (I), Дивногорские стоянки (Табл. 3). Из-за малочисленности коллекций каменного инвентаря затруднительно определение таксономической позиции Масловки и Иволги. Отдельную проблему составляет датировка второго и третьего культурного слоев Борщево 2, типологический состав каменного инвентаря которых идентичен инвентарю верхнего слоя, однако значительно отличается по сырьевому составу и фаунистическому набору.

Табл. 3. Хронологическая последовательность памятников поздней поры в бассейне Верхнего и Среднего Дона

Тыс. л. н.	Памятники
13	Борщево 2 (верхний слой), Дивногорье 1, 9
14	
15	Борщево 1, Замятино 14 (?), Самотоевка, Назаровка (?)
16	
17	Замятнинская культура (Костенки 2, 3, 11 (Ia), 19), Костенки 21 (I) Костенки 10 (?)
18	
19	

Анализ основных характеристик памятников поздней поры в Подонье и их хронологического распределения показывает изменения в хозяйственной жизни человеческих коллективов в течение позднеледникового времени. В максимум оледенения представлены стационарные поселения с долговременными жилищами, для обитателей которых основным объектом охоты служил мамонт. В период 16–15 тыс. л. н. структура поселений остается неизменной, однако появляются небольшие кратковременные стоянки со слабо насыщенным культурным слоем. Если в Борщево 1 также присутствуют доказательства специализированной охоты на мамонта, то в более южной Самотоевке представлены уже другие промысловые виды животных, основу которых составляла дикая лошадь. Самые поздние палеолитические стоянки в регионе (14–13 тыс. л. н.) представляют собой совершенно иной тип хозяйства со специализированной (?) охотой на дикую лошадь при незначительной роли других видов. Поселения этого времени кратковременны и не имеют достоверно зафиксированных жилищ.

Таким образом, в бассейне Верхнего и Среднего Дона прослеживается динамичное развитие культур в поздневалдайское время. При этом приходится констатировать факт уменьшения численности стоянок в регионе по сравнению со средней порой верхнего палеолита, что, возможно, было связано с климатическими изменениями и вымиранием животных мамонтового комплекса. С исчезновением мамонтового комплекса происходит разделение человеческих коллективов: одни, вероятно, уходят на север и северо-запад вслед за холодолюбивыми животными, другие — распространяются по региону и начинают зависеть от других видов. Этим можно объяснить отсутствие памятников моложе 15–14 тыс. л. н. в Костенках (за исключением Борщево 2) и многообразии памятников этого времени в Поднепровье.

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность Ю. А. Лаврушину и Н. Д. Буровой за возможность пользоваться неопубликованными данными. Отдельная признательность А. А. Сеницыну и А. Н. Бессуднову за неоднократные консультации и помощь при написании работы.

Литература

- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 3. СПб., 1997.
- Абрамова З. А., Григорьева Г. В. Стоянка Юдиново — поселение охотников на мамонта мадленского времени // Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- Абрамова З. А., Сеницын А. А. Искусство в контексте проблемы периодизации верхнего палеолита Костенок // Особенности верхнего палеолита Восточной Европы. Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1 (ред. Сеницын А.А.). СПб., 2002.
- Амирханов Х. А. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы // Восточный граветт. М., 1998.
- Амирханов Х. А. Зарайская стоянка. М., 2000.
- Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998.
- Аникович М. В. О хронологии палеолита Костенковско-Борщевского района // АЭАЕ. № 3 (23). Новосибирск, 2005.
- Аникович М. В. Адаптации к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2009.
- Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб., 2008.
- Березуцкая Т. Ю. Отчет к Открытому листу № 85 о проведении археологических исследований в Новохарьковском микрорайоне (Ольховатский район Воронежской области) в 1995 г. Архив ИА РАН. Ф. 1, р. 1, № 20442. 1996.
- Бессуднов А. А. Памятники поздней поры верхнего палеолита бассейна Верхнего и Среднего Дона. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011.
- Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н. Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону // РА. 2012. № 2.
- Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А. Позднепалеолитическая стоянка Замятино 14 на Верхнем Дону // Палеолит и мезолит Восточной Европы (сб.ст. в честь 60-летия Х.А. Амирханова). М., 2011.
- Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А. Позднепалеолитическая стоянка Самогоевка в бассейне Черной Калитвы // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Матеріали III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам'яті С.Н. Братченка. Луганськ, 2012.
- Бессуднов А. Н., Бессуднов А. А., Бурова Н. Д., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А. Некоторые результаты исследований палеолитических памятников у хутора Дивногорье на Среднем Дону (2007-2011 гг.) // КСИА. 2012. № 227.
- Бессуднов А. Н., Сычева С. А., Бессуднов А. А., Лаврушин Ю. А., Чепалыга А. Л., Садчикова Т. А. Геоархеологические памятники Дивногорье 9 и 1 // Путеводитель научных экскурсий XII Международного симпозиума и полевого семинара по палеопочвоведению «Палеопочвы, педоседименты и рельеф как архивы природной среды» (10-15 августа, 2013, Курская и Воронежская области, Россия). М., 2013.
- Борисковский П. И. Палеолит Украины. МИА. 1953. № 40.
- Борисковский П. И., Дмитриева Т. Н. Боршево II // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Л., 1982.
- Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Сеницына Г. В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- Веклова Е. А. Палеолитическая стоянка Боршево I // МИА. 1953. № 39.
- Величко А. А., Писарева В. В., Седов С. Н., Сеницын А. А., Тимирева С. Н. Палеогеография стоянки Костенки-14 (Маркина гора) // АЭАЕ. 2009. № 4 (40).
- Величко А. А., Рогачев А. Н. Позднепалеолитические поселения на Среднем Дону // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.

- Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне // Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Труды Зоологического института. Т. 72. Л., 1977.
- Гаврилов К. Н. Специфика кремневых комплексов среднеднепровских стоянок поздневалдайского времени (сравнительная типология предметов со вторичной обработкой) / Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1994.
- Гаврилов К. Н. Женщина — зверь — орнамент. Культурная специфика в искусстве эпиграветта на Русской равнине // РА. 2009. № 4.
- Галимова М. Ш. Памятники позднего палеолита и мезолита в устье Камы. М.; Казань, 2001.
- Гвоздовер М. Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ А1-5. 1964.
- Горелик А. Ф. Памятники Роголикско-Передельского района. Проблемы финального палеолита Юго-Восточной Украины. Киев-Луганск, 2001.
- Грищенко М. Н. Особенности среды обитания человека верхнего палеолита в бассейне Верхнего Дона // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Грищенко М. Н. Плейстоцен и голоцен бассейна Верхнего Дона. М., 1976.
- Ефименко П. П., Борисковский П. И. Палеолитическая стоянка Боршево II // МИА. 1953. № 39.
- Жилин М. Г., Кольцов Л. В. Финальный палеолит лесной зоны Европы (культурное своеобразие и адаптация). М., 2008.
- Залізняк Л. Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи. К., 1999.
- Залізняк Л. Л. Періодизація та культурна диференціація верхнього палеоліту України // Археологія. 2010. № 4.
- Иванова М. А. Структура Гмелинского палеолитического поселения. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Кетрару Н. А., Григорьева Г. В., Коваленко С. И. Верхнепалеолитическая стоянка Рашков VII. Кишинев, 2007.
- Колосов Ю. Г. Некоторые позднепалеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая Балка, Ямбург) // Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. САИ А1-5. 1964.
- Кротова А. А. Позднепалеолитические охотники на бизонов Северного Причерноморья // Археологический альманах. 1994. № 3. Донецк.
- Лаврушин Ю. А., Бессуднов А. Н., Спиридонова Е. А., Холмовой Г. В., Джалл Э. Дж. Т., Ходжис Г. В. Л., Кузьмин Я. В., Кураленко Н. П. Высокоразрешающая последовательность местных природных событий в центре европейской части России 15–13 тыс. лет назад (С14 возраст) // Вестник Воронежского государственного университета. Геология, № 2. Воронеж, 2011.
- Лазуков Г. И. Геология стоянок Костенковско-Боршевского района // Палеолит и неолит. Т. 3. МИА. 1957. № 59.
- Лазуков Г. И. Геолого-геохронологическая характеристика стоянок Костенковско-Боршевского района и условия обитания позднепалеолитического человека // Верхний плейстоцен и развитие позднепалеолитической культуры в центре Русской равнины. Воронеж, 1979.
- Лазуков Г. И. Характеристика четвертичных отложений района // Палеолит Костенковско-Боршевского района на Дону. 1879–1979 / ред. Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев. Л., 1982.
- Лисицын С. Н. Эпиграветт или постграветт? (особенности кремневого инвентаря поздневалдайских памятников с мамонтовым хозяйством) // Stratum plus. № 1. СПб.; Кишинев, 1999.
- Лисицын С. Н. Финальный палеолит и ранний мезолит Днепро-Двинско-Волжского междуречья. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Лисицын С. Н. Русская равнина на рубеже плейстоцена и голоцена: природная среда, системы расселения и адаптации человека позднеледникового // Васильев С. А., Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Лисицын С. Н., Сеницына Г. В. Поздний палеолит Северной Евразии: палеоэкология и структура поселений. СПб., 2005.
- Матюхин А. Е. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. соиск. ... докт. ист. наук. СПб., 1996.
- Нужний Д. Ю. Верхньопалеолітичні пам'ятки типу Межір'я та їхнє місце серед епіграветтських комплексів Середнього Дніпра // Кам'яна доба України. К., 2002.
- Оленковский Н. П. Эпиграветт Восточной Европы. Херсон, 2008.

- Попов В. В., Аникович М. В., Хоффекер Дж., Дудин А. Е., Пустовалов А. Ю., Чернышев С. С. Костенки 11 (Аносовка 2) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита: общее и локальное. Воронеж, 2004.
- Праслов Н. Д. Некоторые специфические формы орудий Мураловской палеолитической стоянки // КСИА. 1972. № 131.
- Праслов Н. Д. Столетие открытия палеолита в Костенках // КСИА. 1981. № 165.
- Праслов Н. Д., Иванова М. А. Костенки 21 // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.
- Праслов Н. Д., Рогачев А. Н. /ред./ Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л., 1982.
- Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // Палеолит и неолит СССР. Т. 3. МИА. 1957. № 59.
- Рогачев А. Н. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы (о принципе геологической стратиграфии при изучении палеолита) // Вопросы стратиграфии и периодизации палеолита. Труды КИЧП. XVIII. М., 1961.
- Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. М., 1984.
- Сапожников И. В. Хронология и периодизация позднего палеолита Степной Украины // Археологический альманах. Вып. 16. Донецк, 2004.
- Синицын А. А. Отчет о работе Костенковской экспедиции ИИМК РАН в 2005 году. Архив ИА РАН. СПб, 2006а.
- Синицын А. А. Костенковская модель верхнего палеолита // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 г.). Липецк, 2006б.
- Синицын А. А. Культурная и геологическая периодизация верхнего палеолита Восточной Европы: соотношение и проблема корреляции // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. М., 2008.
- Синицын А. А. Культурные и адаптивные различия палеолита Костенок // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям /отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков/. М., 2010.
- Синицын А. А., Праслов Н. Д., Свеженцев Ю. С., Сулержицкий Л. Д. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы (ред. А. А. Синицын, Н. Д. Праслов). СПб., 1997.
- Синицын А. А., Сергин В. Я., Хоффекер Дж. Ф. 120 лет исследований палеолита Костенок: традиции и тенденции // Особенности верхнего палеолита Восточной Европы. Труды Костенковской экспедиции ИИМК РАН. Вып. 1. СПб., 2002.
- Синицын А. А., Хоффекер Дж. Ф., Синицына Г. В., Спиридонова Е. А., Гуськова Е. Г., Форман Ст., Очередной А. К., Бессуднов А. А., Миронов Д. С., Рейнолдс Б. Костенки 14 (Маркина гора) // Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Тезисы Международной конференции (23-26 августа 2004 г.). Воронеж, 2004.
- Синицына Г. В. Исследование финальнопалеолитических памятников в Тверской и Смоленской областях. СПб., 1996.
- Сорокин Л. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В. На переломе эпох. М., 2009.
- Степанчук В. Н. Динамика культурных трансформаций в палеолите Украины // Труды II(XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. М., 2008.
- Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л., 1979.
- Тарасов Л. М. Масловка – палеолитическая стоянка на р. Воронеж // КСИА. 1983. № 173.
- Федюнин И. В. Памятник позднего палеолита в нижнем течении р. Черная Калитва на Среднем Дону // РА. 2008. № 4.
- Федюнин И. В. Материалы позднепалеолитической стоянки Самотоева на юге Среднего Дона (исследования экспедиции ВГПУ) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 13. Воронеж, 2009.
- Федюнин И. В. Палеолит и мезолит Южного Подонья. Воронеж, 2010.

- Цыганов Ю. Ю.* Стоянка Борщево 2 и ее место в палеолите Восточной Европы. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
- Чубур А. А.* Быки. Новый палеолитический микрорегион и его место в верхнем палеолите Русской равнины. Брянск, 2001.
- Шабалин М. И., Праслов Н. Д., Холмовой Г. В.* Открытие палеолита в окрестностях г. Воронежа // Вестник ВГУ. Геология. № 2. Воронеж, 2004.
- Bessudnov A. A.* Kill-butcher events in the Late Upper Palaeolithic sites in Divnogor'ye (Central Russia) // Abstracts book of 3rd Annual Meeting of European Society for the study of Human Evolution (19-21 September, Vienna, Austria). Vienna, 2013.
- Cohen V.* The population of South Russian plain after the maximum of the second Pleniglacial // *Folia Quaternaria*, 70. Krakow, 1999.
- Kozłowski J.* Gravettian in Central and Eastern Europe // *Advances in world Archaeology*. 1986. Vol. 5.
- Sycheva S. A., Bessudnov A. N.* Late Glacial paleosols (MIS 2) of the geoarcheological monument «Divnogor'e 9» // *Geomorphic processes and Geoarchaeology: from landscape archaeology to archaeotourism*. International conference held in Moscow-Smolensk, Russia, August 20-24, 2012. Extended abstracts. Moscow-Smolensk, 2012.
- Zaliznyak L.* 1999. Terminal Palaeolithic of Ukraine, Belarus and Lithuania (survey of cultural differentiation) // *Folia Quaternaria*, 70. Krakow, 1999.

A. A. Bessudnov

PALAEOLITHIC SITES OF THE LATE PLEISTOCENE TIME IN THE VALLEY OF UPPER AND MIDDLE DON

The issue of the Late Upper Paleolithic is the least developed in the valley of the Upper and Middle Don. This is primarily due to the state of the source base in the region, where, in contrast to the territory of the Dnieper, Desna and the Northern Black Sea coast, are known only a few sites of the Late Valdai time. Several new probably Late Upper Palaeolithic sites were discovered and investigated around Kostenki during two last decades. Their cultural attribution and chronology remains problematic in many aspects: only a small part of the sites has natural-science data, and the basis of cultural and historical reconstructions is the appearance of stone assemblages. However, the results of recent research and analysis of existing analytical base allowed to return to the problem..

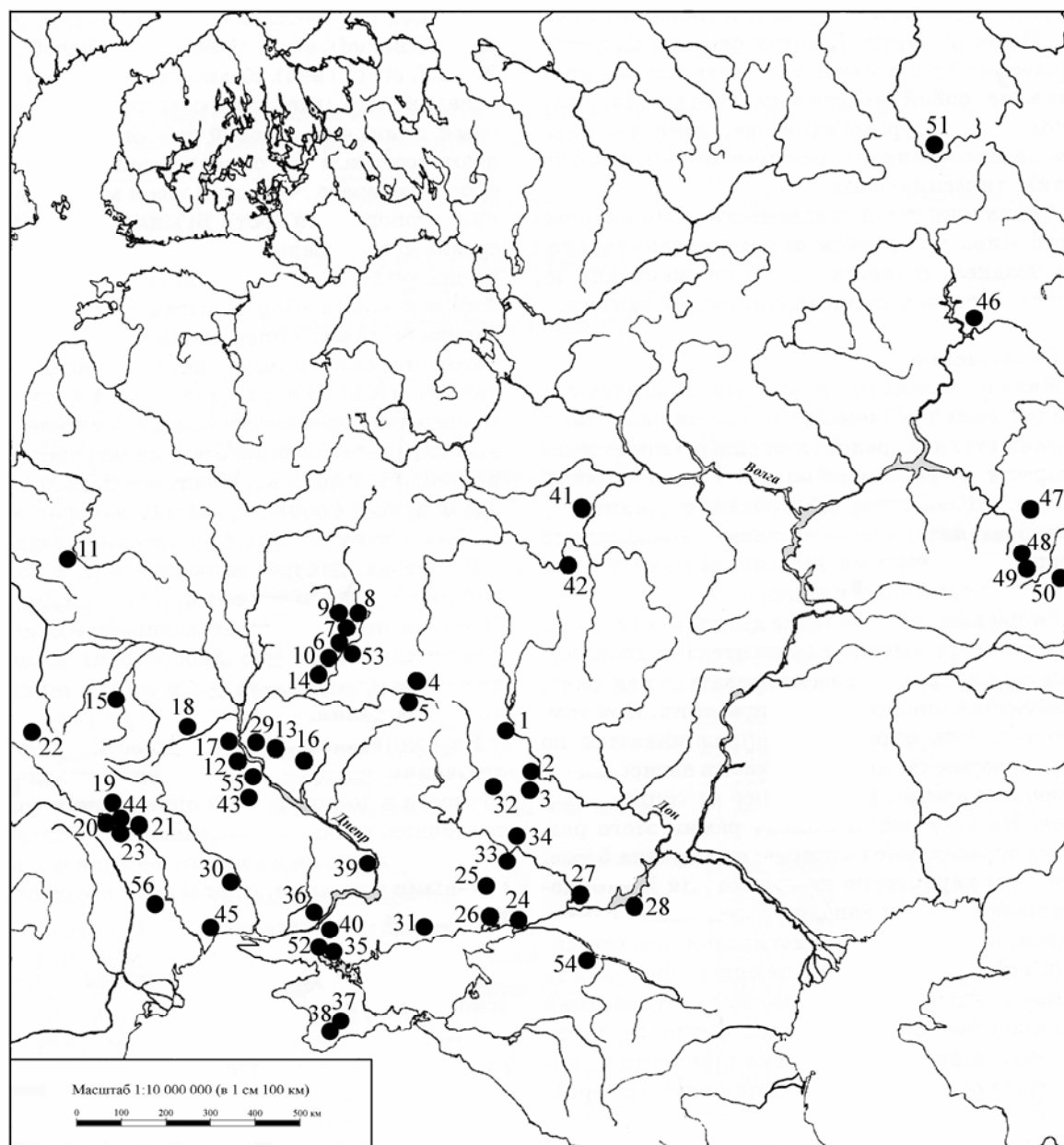

Рис. 1. Стоянки конца плейстоцена (20-10 тыс. л.н.) с радиоуглеродными датами в Восточной Европе.
 1 — Костенки; 2 — Дивногорье 1, 9; 3 — Самогоявка; 4 — Курск 1; 5 — Пены 2, Быки 7; 6 — Юдиново;
 7 — Елисеевичи 1, 2; 8 — Супонево; 9 — Тимоновка 1, 2; 10 — Чулатово 1; 11 — Ковальцы;
 12 — Копачив; 13 — Добраничевка; 14 — Мезин; 15 — Бармаки; 16 — Гонцы; 17 — Кирилловская;
 18 — Радомысль; 19 — Врублевцы; 20 — Молодова 5; 21 — Рашков 7; 22 — Львов 7; 23 — Косауцы;
 24 — Каменная балка 1, 2, Третий Мыс; 25 — Амвросиевка; 26 — Мураловка; 27 — Золотовка;
 28 — Похлебин 1, 2; 29 — Семеновка 1, 2, 3; 30 — Анетовка 2; 31 — Федоровка; 32 — Ямы;
 33 — Говоруха; 34 — Роголик 7, 12; 35 — Соленое озеро 1а, 6, 9, 9а, Вознесенка 4; 36 — Леонтьевка;
 37 — грот Буран-Кая 3; 38 — грот Скалистый; 39 — Васильевка 3; 40 — Дмитриевка; 41 — Карачарово;
 42 — Шатрище 1, 2; 43 — Гордашовка; 44 — Атаки; 45 — Большая Аккаржа; 46 — стоянка Талицкого;
 47 — Игнатъевская пещера; 48 — Капова пещера; 49 — Кульюрт-Тамак; 50 — Смеловская 2;
 51 — Медвежья пещ.; 52 — Нововладимировка 2; 53 — Севское мамонтовое местонахождение;
 54 — Юловская; 55 — Межиричи; 56 — Валя Морилор (рис. по: Сеницын и др., 1997 с дополнениями)

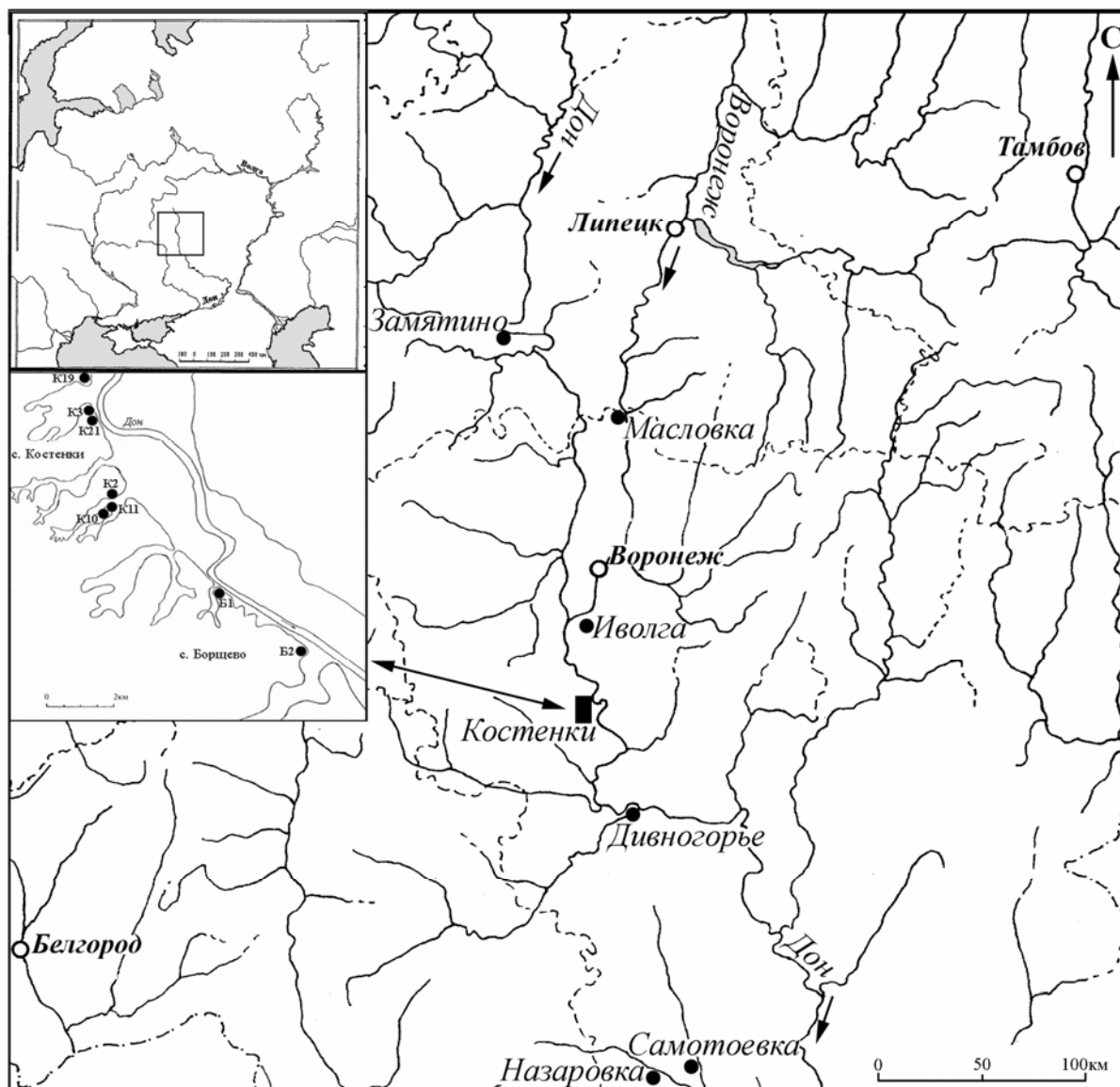

Рис. 2. Стоянки поздней поры верхнего палеолита в бассейне Верхнего и Среднего Дона. Пунктирами отмечены границы областей

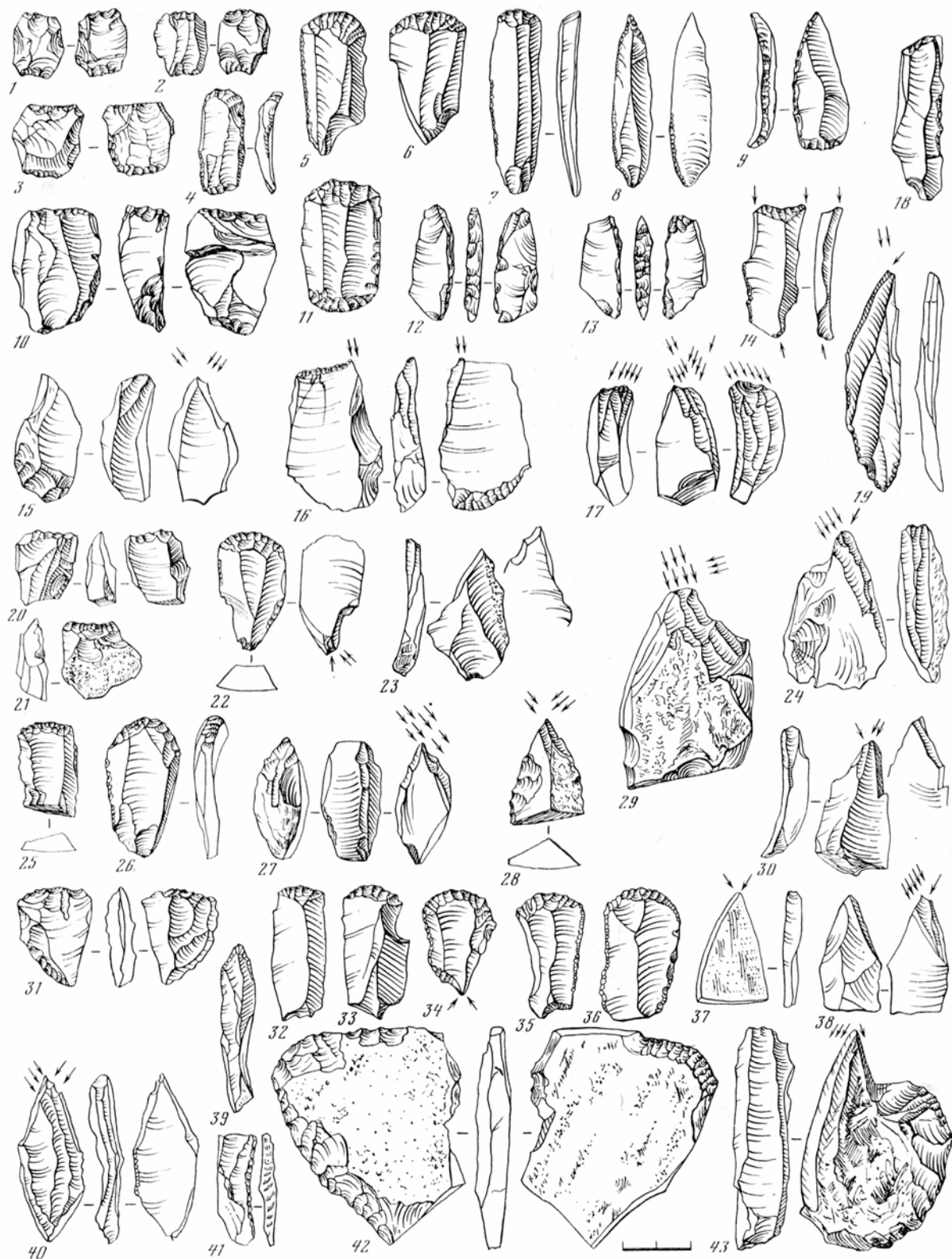

Рис. 3. Каменный инвентарь стоянок зямятинской культуры (по: Рогачев, Аникович, 1984). 1-19 — Костенки 2; 20-30 — Костенки 3; 31-43 — Костенки 19

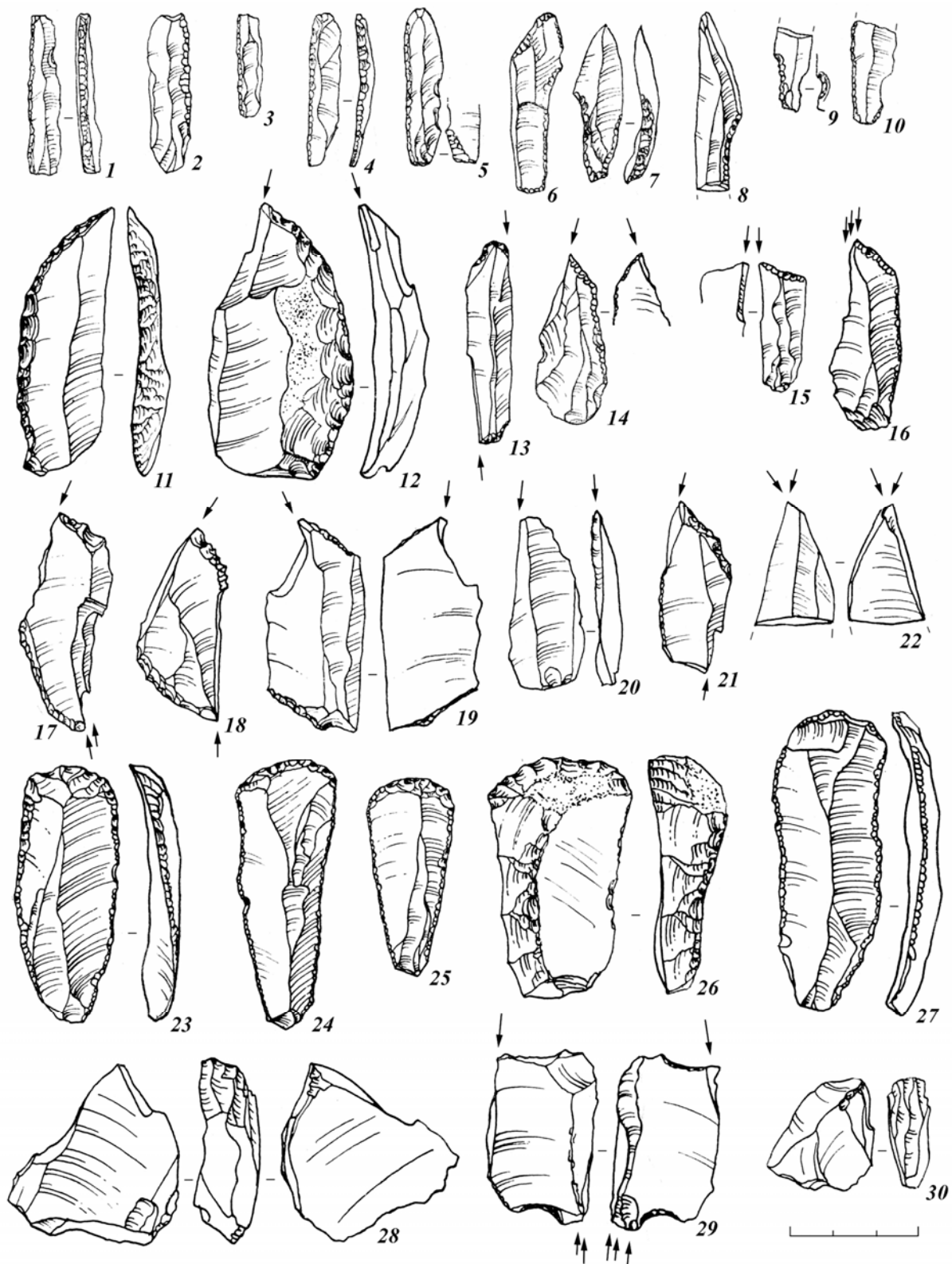

Рис. 4. Каменный инвентарь стоянки Борщево 1 (по: Векилова, 1953)

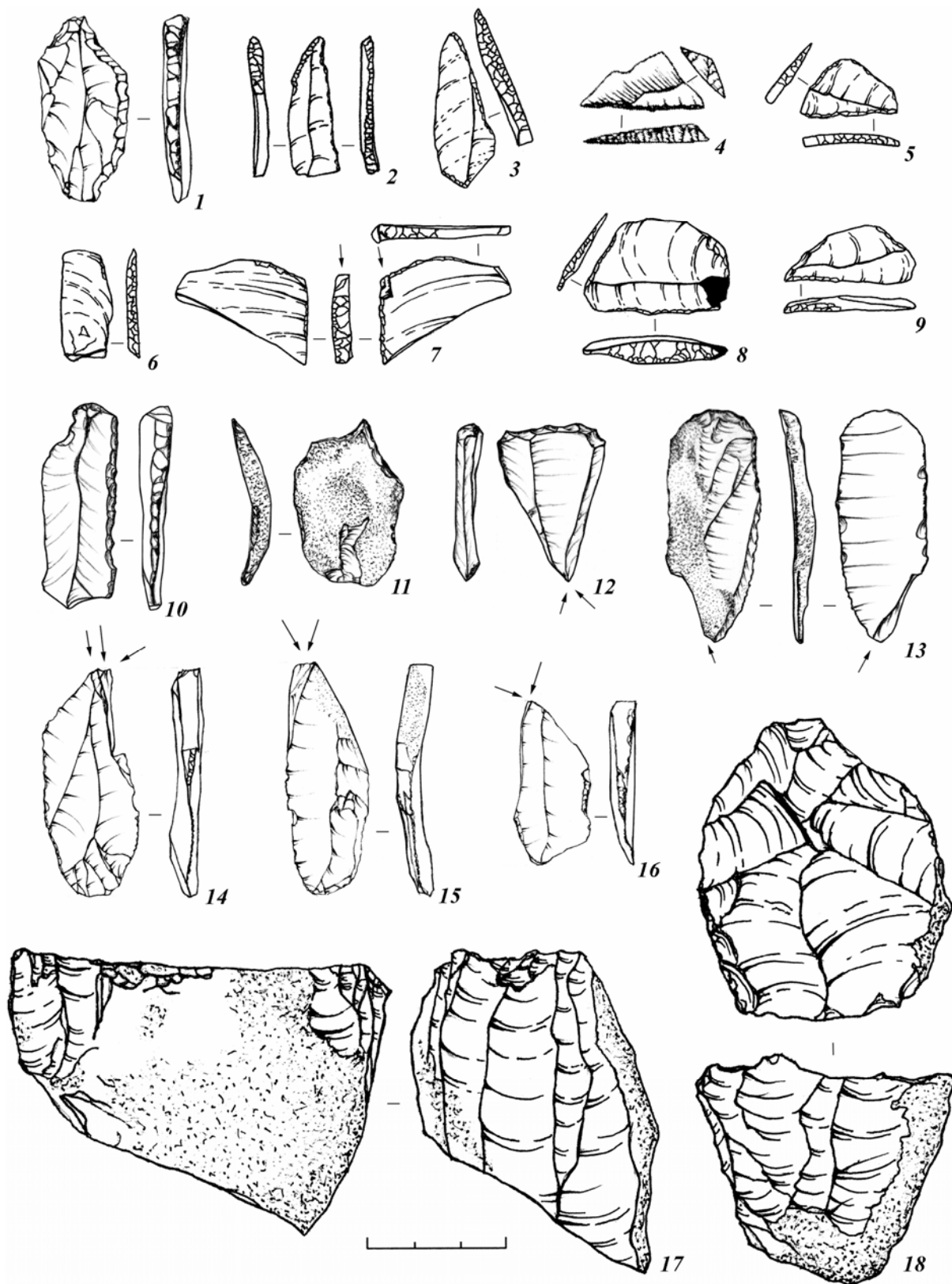

Рис. 5. Каменный инвентарь стоянки Самотоевка (черным цветом отмечены свежие сколы). 4 — рис. по: Федюнин, 2009

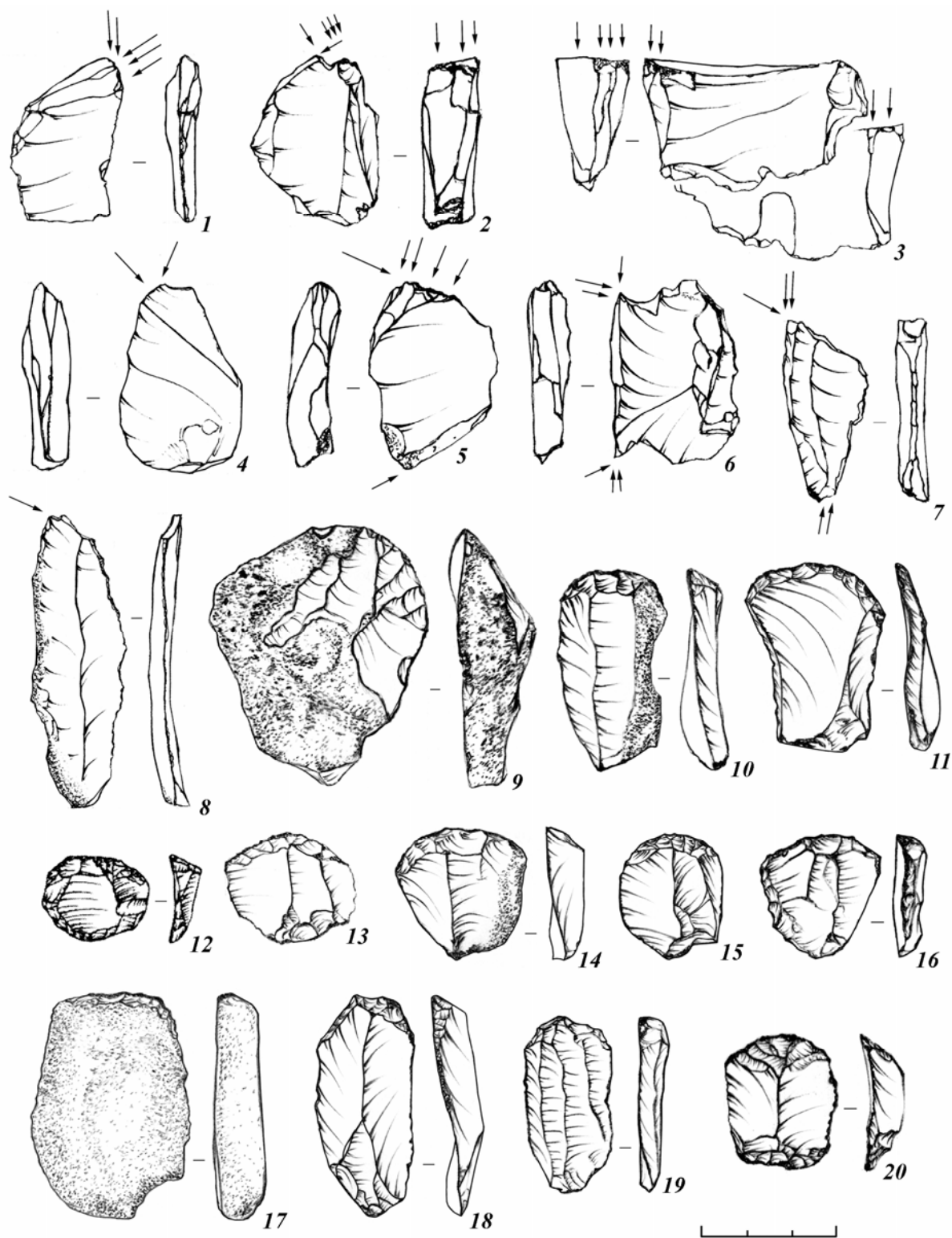

Рис. 6. Каменный инвентарь стоянки Самотоевка. 12 — по: Березуцкая, 1996

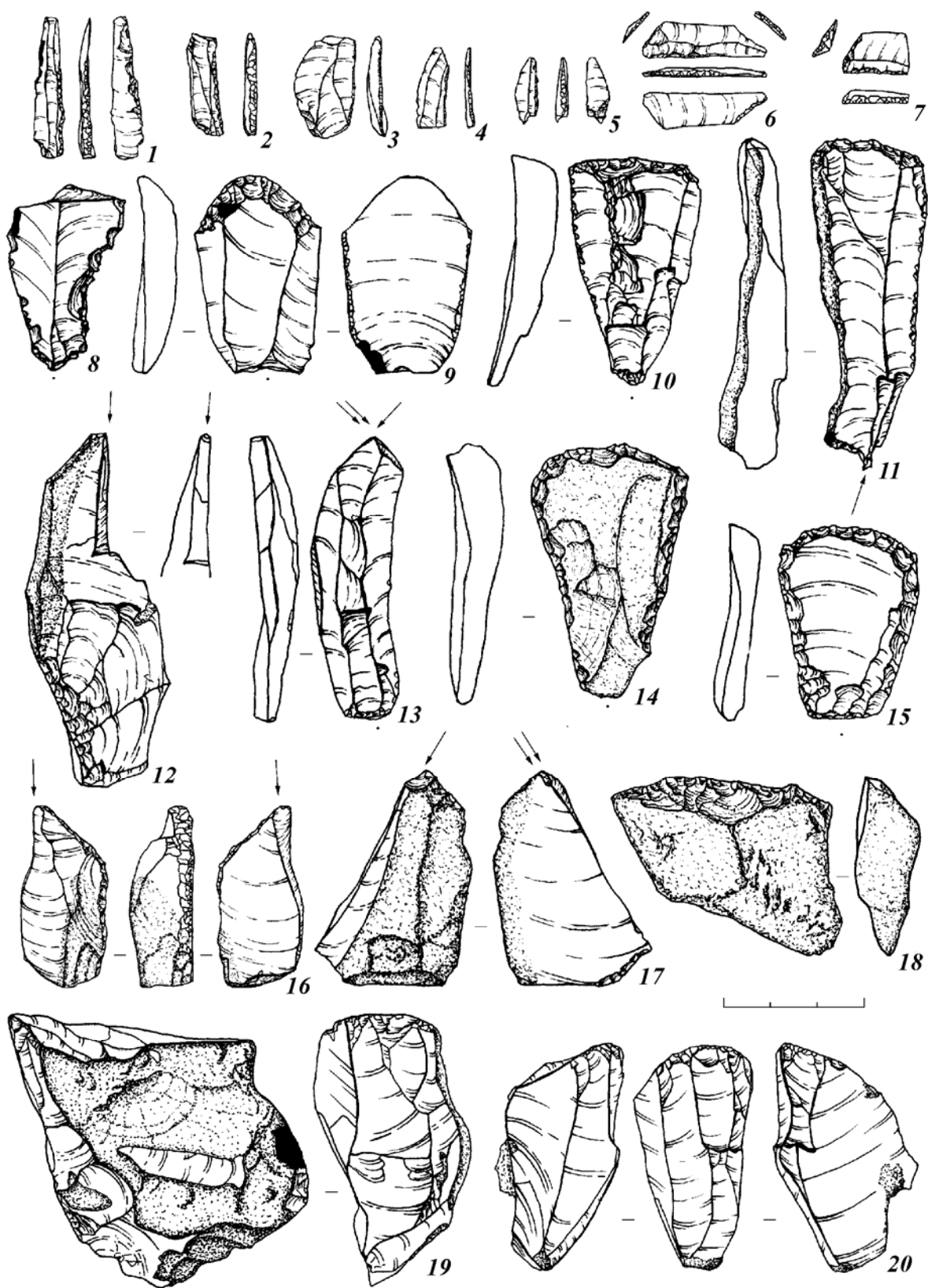

Рис. 7. Каменный инвентарь стоянки Замятино 14 (черным цветом отмечены свежие сколы)

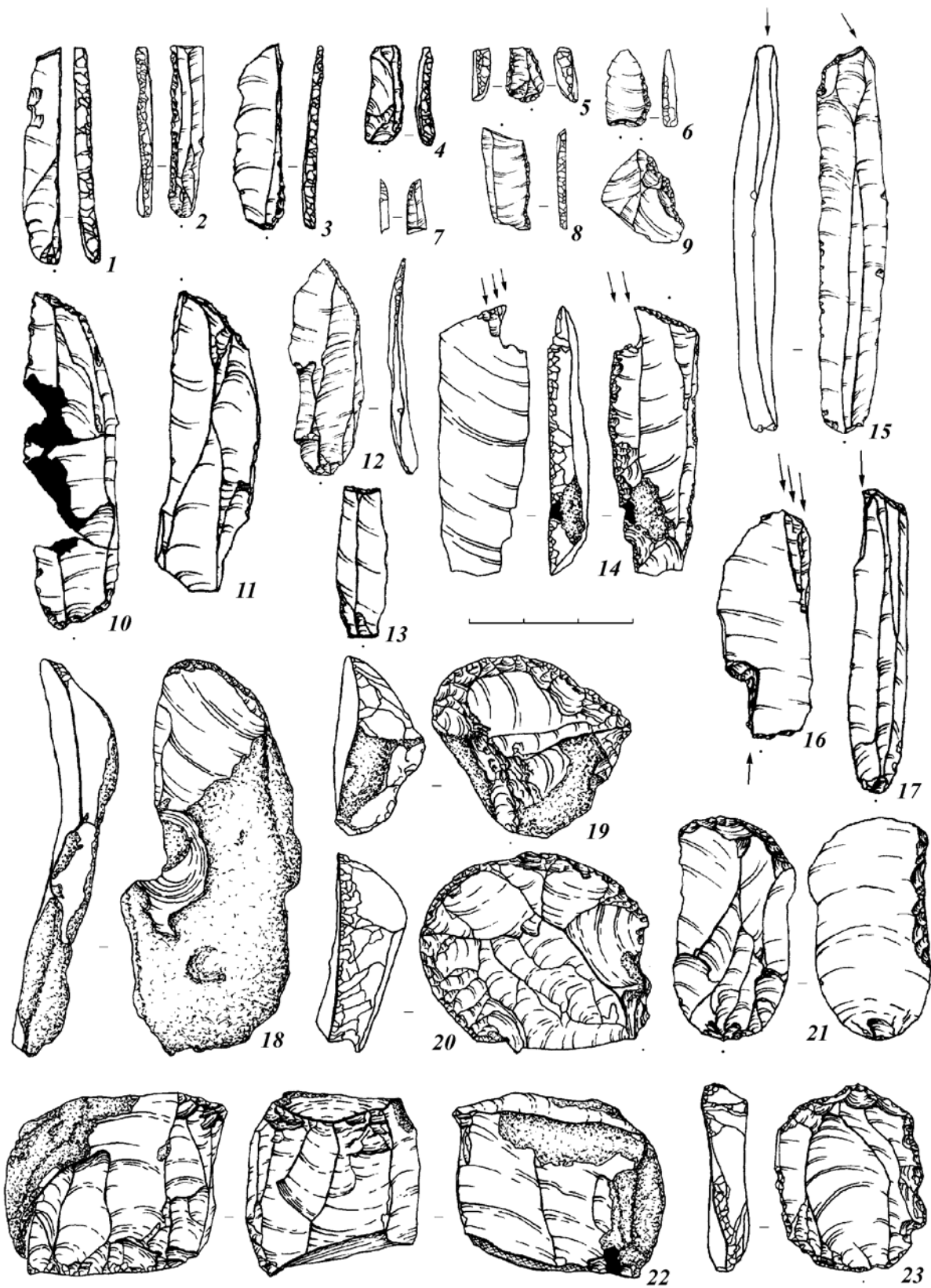

Рис. 8. Каменный инвентарь стоянки Дивногорье 1 (черным цветом отмечены свежие сколы)

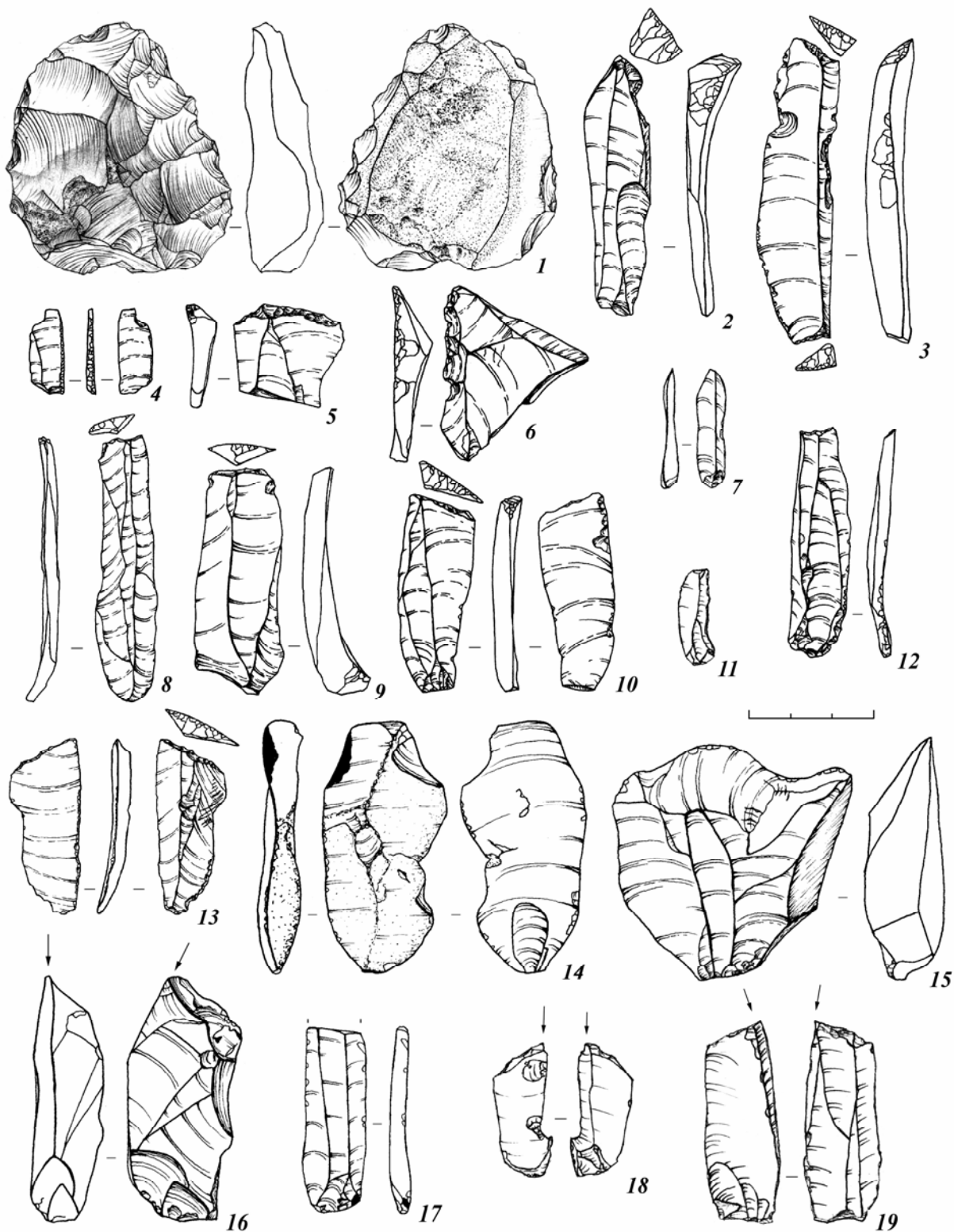

Рис. 9. Каменный инвентарь памятника Дивногорье 9 (черным цветом отмечены свежие сколы)

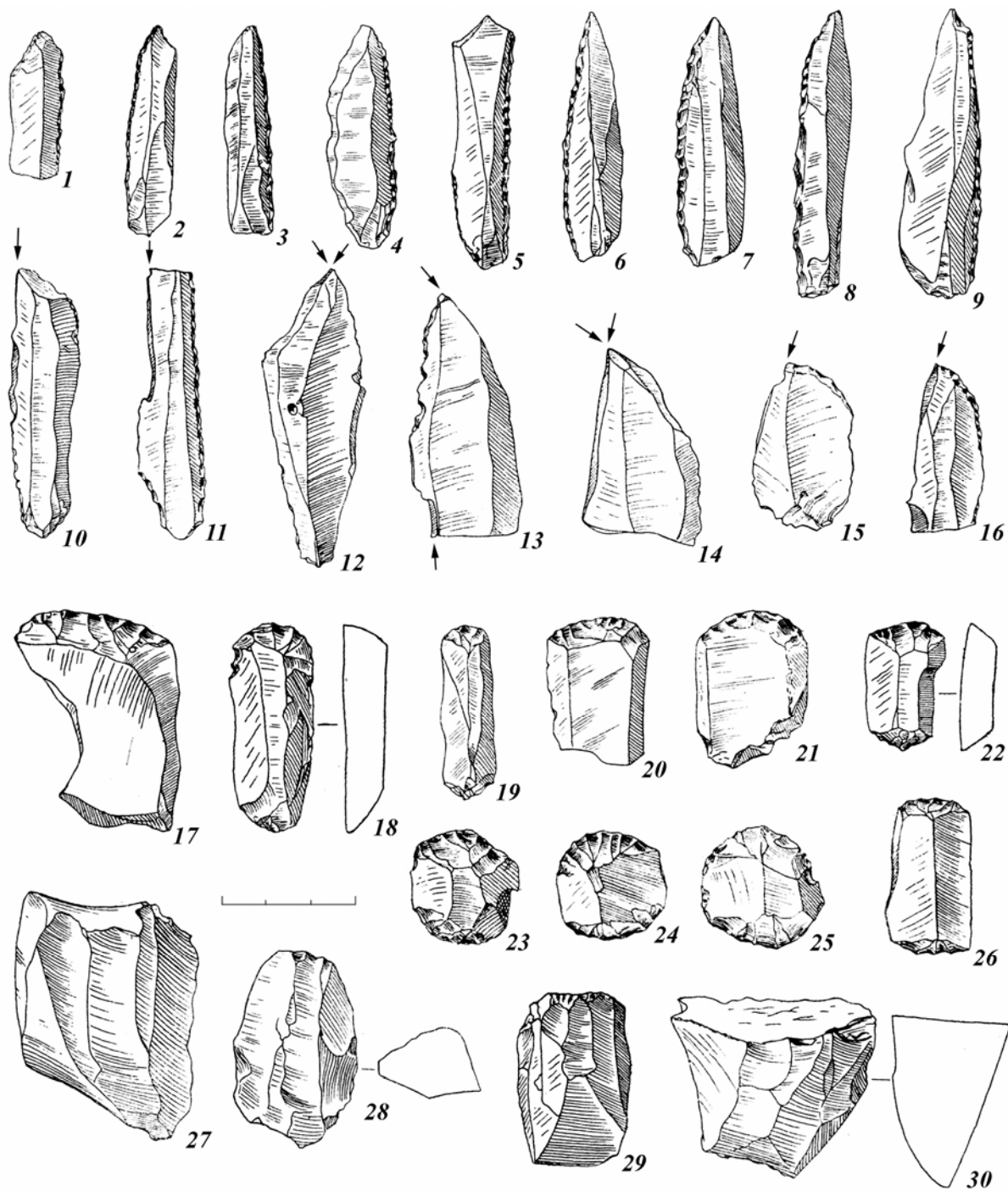

Рис. 10. Каменный инвентарь стоянки Борщево 2 (по: Ефименко, Борисковский, 1953)

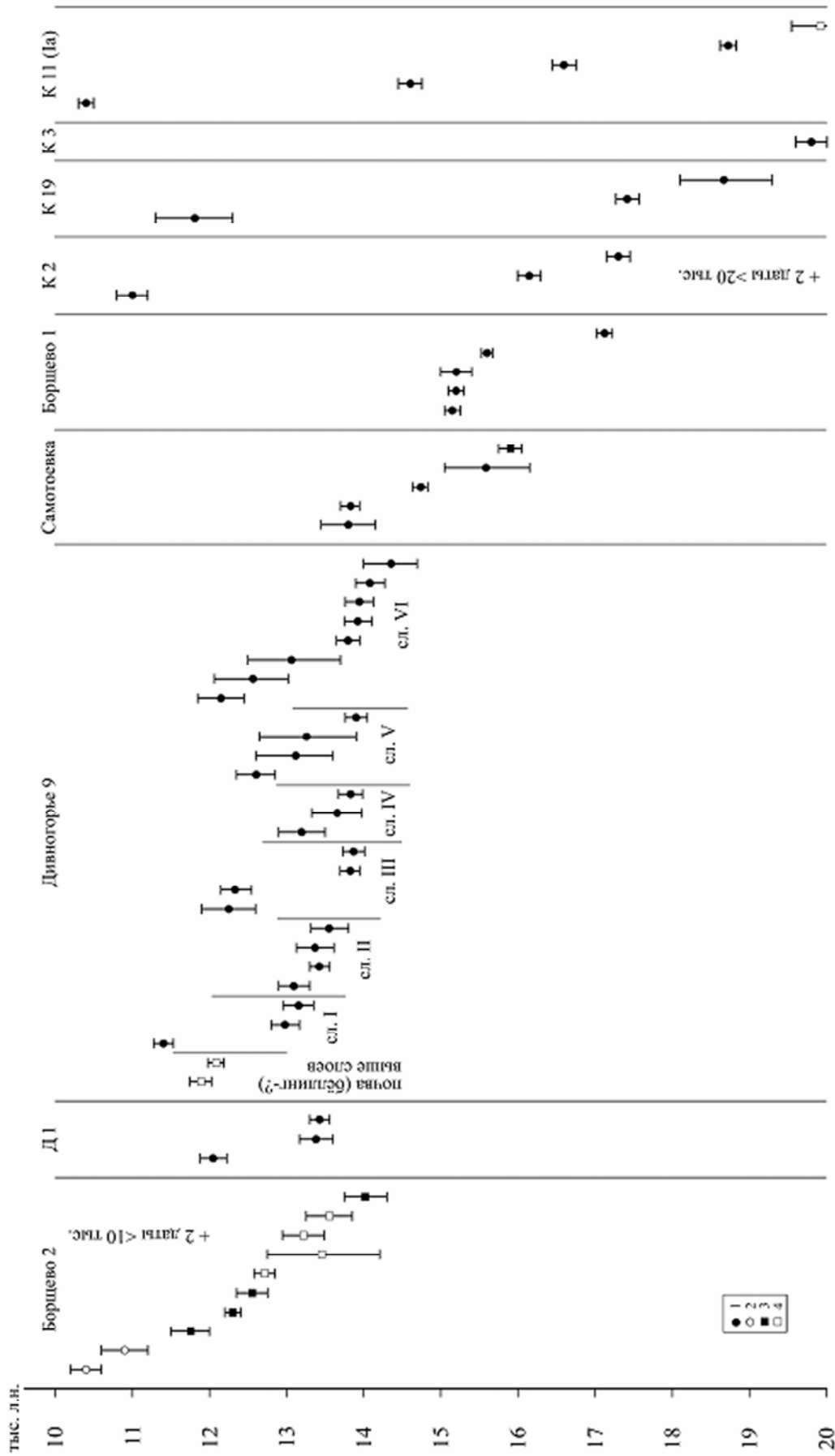

Рис. 11. Графическое распределение радиуглеродных дат стоянок конца плейстоцена на территории Верхнего и Среднего Дона (см. Табл. 3):
1 — кость, 2 — почва, гумус, гиттия, 3 — костный уголь, 4 — древесный уголь